

Михаил ТАРКОВСКИЙ

На Волге

Очерк

С рекой Волгой у моей бабушки были свои отношения. В детстве она жила в Кинешме, и поэтому с первого класса школы возила меня в этот город, где ещё жили её гимназические подруги и удивительная родственница тётя Шура. А однажды бабушка устроила путешествие на пароходе до Астрахани и обратно.

Пароход, точнее теплоход, назывался «Комарно». Больше всего тогда запомнился Углич и бабушкин рассказ про Дмитрий-Царевича (так она его называла). Ещё помню утро в Нижнем Новгороде (Горьком): я проснулся от какой-то странной музыки. Теплоход стоял на рейде, и всё лилась эта удивительная многоголосая музыка — когда я как следует проснулся, оказалось, что так работает земснаряд, мелодично, ритмично, переливчато, с какими-то медными подголосками.

Уже намного позже, когда я учился классе в седьмом, мы жили с бабушкой в одной ярославской деревеньке на речке Юхоть. Сначала, кажется от станции Большая Волга, добирались на колёсном пароходе «Помяловский» до Мышкина. Помню запах судовой кухни и ещё какой-то непередаваемый, пароходский, душный, какого не бывает на теплоходах. Я всё смотрел через оконце на работу колеса, на ленты воды, льющиеся с плиц, и, конечно, в трюм на машину, всю открытую, с огромными деталями, какими-то толкателями, блестящими втулками. В Кимрах на берегу стоял цыганский табор, и им верховодил очень нарядный цыган в костюме. Я запомнил его лакированные остроносые туфли и галстук с надписью «Туапсе».

В Мышкине мы пересаживались на катер. Были такие пассажирские катера серии «Москвич». Номерные, они обозначались сокращённо, например какой-нибудь «М-120». На Юхоти мы жили в деревеньке, имя которой до сих пор не могу вспомнить, хотя все окрестные помню наизусть: Бабайки, Бураши, Доры. Все помню, а нашу — нет.

Михаил Тарковский на Юхоти. Мышкин. Январь 2012-го

Выбирались мы под осень в Мышкин. Утро было туманным, издали снизу доносился трудовой гул катера — наша деревня была его конечной остановкой. По дороге у какого-то села на левом берегу чуть не наехали на лодчонку. Парнишка в «казанке», набитой народом, переезжал Юхоть под носом катера, и у него заглох мотор. Он лихорадочно дёргал свой «ветерок», между тем расстояние между нами всё сокращалось и сокращалось... Капитан сбросил обороты, включил реверс (или что там было у этого «М»), а парень со «шморгалкой» в руках и все пассажирки с раскрытыми от страха глазами, как трава под ветром, отклонились на противоположный борт и, не отрываясь, смотрели на нас. А мы на них... Не помню — не то катер остановился, не то «казанка» всё-таки успела сойти с нашего курса, но будто сейчас вижу, как откинуло парнишку страхом перед наползающей громадой катера.

В Мышкине ждали парохода. Бродили с бабушкой по городку, такому русскому и волжскому, над которым почему-то неслась песня «Синий-синий иней» в мужском исполнении, и эта необычная мелодия тревожила и звала в какие-то дальние дали. Помню стенд с фотографиями знаменитых мышкинцев, славных своей работой... Помню одноэтажный белёный домишко и ещё помню всю жизнь девчонку... Желтоволосяю, со стрижкой «горшком», с огромными синими глазами на треугольном загорелом личике. И ещё мерещится мне вроде бы музей городской, куда мы заглянули с бабушкой, но не уверен, что это произошло на самом деле. Но девчонка и песня были точно... И ещё помню шмящее чувство какой-то глубинной причастности к волжской земле, к её старине, которая буквально пропитывала воздух...

Бабушка в молодости хорошо плавала. Она рассказывала, как однажды переплывала на спор Волгу напротив Кинешмы. И хотя всё происходило в сопровождении вёсельной лодки, картина от этого несколько не теряла в моём представлении. Бабушкины расска-

зы давно слились в памяти в одну легенду. И легенда эта выглядит теперь так: вроде бы она плывёт и угадывает между буксиром, который тащит на длинном тросе баржу. И вот бабушка плывёт, торопится успеть и успевает вроде бы... И тут к своему ужасу видит, что за первой ползёт ещё вторая баржа, парная (хотя и непонятно, как она не заметила второй трос). Но успела бабушка и перед второй баржей...

И четыре десятилетия спустя снова и снова в памяти всплывает старинный волжский городок, жилами уходящий в древнюю русскую землю, и синеглазая девчонка, прошившая душу немислимой далью, тоской по прошлому и будущему... И образ молодой бабушки, почти такой же девчонки... И гул грядущих потрясений, и бабушкина святая молодость... И всё это навсегда переплелось в такой узел, такую дорогу, такое пространство, имя которому бездна... А ещё и князь Мышкин, своим светлым именем почему-то перевязавшийся в моём полудетском сознании с именем волжского городка...

В мастерской народных музыкальных инструментов. Мышкин. Фото М. Тарковского. Январь 2012-го

* * *

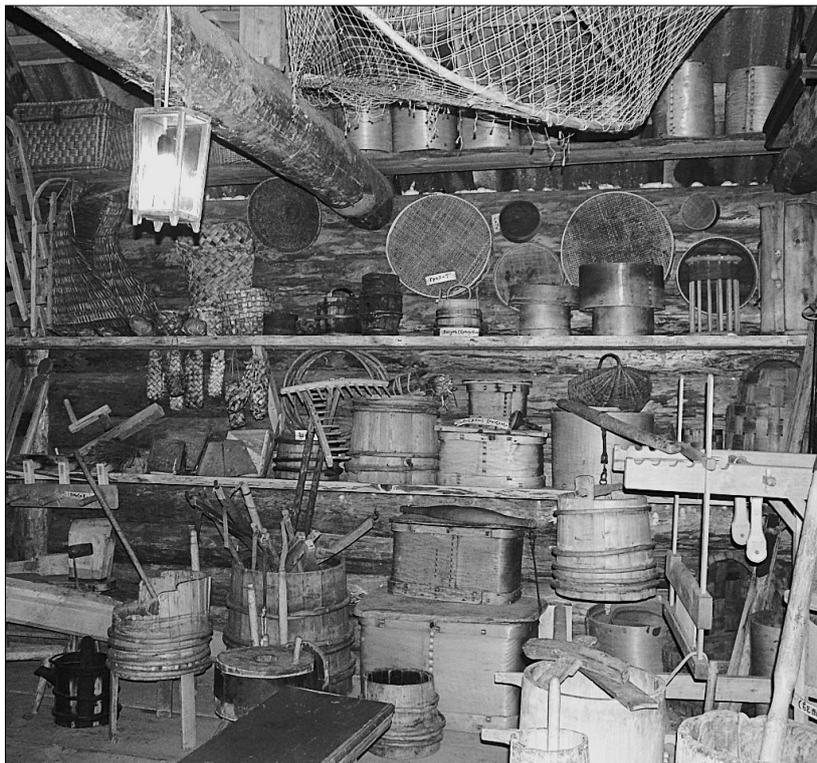
Тебе, моя Любовь, тебе, чьё имя всеу
И я произнесу, когда отговорят
В счёт будущих стихов о Кинешме и Шуе
Дарованные мне так много лет назад

Полночный небосвод, свирепый от мороза,
Холодных поездов затёртые скамьи,
Съезжающий стакан и топот паровоза,
Тревожный, как тоска по прошлому семьи,

По лучшей из держав Земли... А я подолгу
Скитался, одиноко, у тех её границ,
Где бабушка на спор пересекает Волгу
Под грохот надвигающихся плит.

* * *

В январе 2012 года выдалось мне вновь побывать на ярославской земле, посетить и город Углич, и Мышкин. Рождественские дни провёл я среди удивительных людей, которые выбрали для себя нелёгкий и редкий в наши дни путь — путь служения русской, или,

В музее крестьянской культуры. Мышкин.
Фото М. Тарковского. Январь 2012-го

ещё шире говоря, славянской традиции. Началось всё с одной многодетной семьи, приехавшей в здешние края из большого города и решившей жить порусски, то есть в традиции православия, русской песенной, бытовой и мастеровой культуры. Вскоре к ним потянулись единомышленники из других российских городов и даже с Украины: всё это переросло в ежегодные летние фестивали, собирающие сотни участников.

Все знают, что в Мышкине целый туристический бизнес сформировался вокруг Музея мыши, и кого-то, слышал, даже раздражает ограниченность этой «мышинной» темы, суще-

ствование её якобы безо всякой связи с историей, духовной и трудовой традициями. На самом деле это не совсем так. Кроме Мышинских палат в городе существует несколько десятков объектов, где представлена именно традиционная русская мастеровая культура: это музеи и мастерские (например кузница). Здесь вам покажут и традиционные ремёсла, и удивительные экспонаты, собранные в окрестностях Мышкина, — причём собранные крайне вовремя, можно сказать, спасённые от забвения и уничтожения. Особенно порадовала меня коллекция — я бы так назвал — «мужицкой культуры»: всего того, чем жил-выживал веками русский мужик. Это прежде всего огромное количество различного инструмента, который раньше имелся в каждой избе: рубанки, стружки, прялки, уторники, тесла и многое-многое другое. И, конечно, представлены предметы быта; особенно порадовали изделия из осинового луба — короба, бадейки. На Енисее — несмотря на то, что в тайге растёт осина, из которой изготавливают долблённые лодки и весла, — из осинового луба никакой утвари не делают, в ходу традиционно только береста. Очень мне понравились скамеечки из ёлки с использованием сучков — какое простое и гениальное в своей простоте изделие!

...Из Мышкина уезжал под впечатлением, хотелось рассказать о виденном своим знакомым, хотелось вернуться ещё раз в такие же рождественские дни, с детскими праздниками и колядками. Хотелось, чтобы в каждом российском городе устраивалось что-то подобное, чтобы больше было людей, для которых служение Отечеству является смыслом жизни. И ещё очень вдруг захотелось, чтобы бабушка всё это видела, я уверен — она была бы рада.